

**Вопросы истории и культуры
северных стран и территорий**

**Historical and cultural problems
of northern countries and regions**

Научные статьи

УДК 821.511.2"19"

Стойбище и чум: профанное и сакральное пространство

Жулева А.С.¹, Моксьон К.²

Аннотация. Статья посвящена исследованию художественного пространства в литературе ненцев. В процессе текстологического анализа профанного и сакрального пространства традиционных для оленеводов стойбища и чума выявлена специфика их восприятия, как авторами, так и героями, раскрыта семиотика мифологем. Представлено, как устойчивые геокультурные образы влияют на душевные переживания, на нравственный выбор героев.

Авторы определили приемы, убедительно доказывающие, что художественная литература позволяет реконструировать этнографические субстраты, с одной стороны, а с другой – способствует постижению онтологических и феноменологических основ, связей, реминисценций культуры, раскрывает особенности материальной и духовной жизни ненцев, ценности, определяющие поведение и характер народа, его миропонимание.

Ключевые слова: ненцы, литература, художественное пространство, стойбище, чум, профанный, сакральный, образы, миропонимание.

**The camp and the tent:
profane and sacral space**

Zhuleva A. S.¹, Mouxion K.²

Abstract. The article is devoted to the study of artistic space in Nenets literature. In the process of textual analysis of the profane and sacred space of traditional for reindeer herders the camp and the tent (of skins or bark), the specificity of their perception, both by authors and heroes, is revealed, semiotics mythology is revealed. Presented is how sustainable geocultural images affect emotional experiences, the moral choice of heroes.

The authors have defined methods that convincingly prove that fiction allows reconstructing ethnographic substrata, on the one hand, and on the other hand it contributes to understanding ontological and phenomenological foundations, connections, cultural reminiscences, reveals the features of the material and spiritual life of the Nenets, values that determine the behavior and character of the people, his world outlook.

Keywords: Nenets, literature, art space, camp, tent, profane, sacred, images, world outlook.

¹*Жулева Альбина Сергеевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. ул. Поварская, 25а, 121069, г. Москва, Российская Федерация.*

Zhuleva Al'bina Sergeevna. Candidate of Science (Pedagogical), Senior Researcher of Institute of World Literature named after A.M. Gorky of the Russian Academy of Sciences. Povarskaia str., 25a, 121069, Moscow, Russian Federation.

E-mail: aswjas08@rambler.ru

²*Моксьон Ксения, журналист, переводчик. 12 impasse du Soleil Couchant 16200 Le Cluzeau Houlette, Франция.*

Ksenia Mauxion. Journalist, translator. 12 impasse du Soleil Couchant 16200 Le Cluzeau Houlette, France.

E-mail: mauxion.ksenia@gmail.com

© **А.С. Жулева**

© **К. Моксьон**

Пространство в литературе выступает и как текстопорождающий механизм, и как смысловое образование, имеющее символическую природу. Оно в значительной степени этнично, национально. В книге «Этносфера: история людей и история природы» Л.Н. Гумилев убедительно доказывает, что

реальное регионально-географическое пространство откладывает неизбежный отпечаток на ментальность этноса, формируя психологический облик его представителей, этнокультурные и онтологические характеристики.

Ненецкие писатели и поэты в своих произведениях проецируют внутренние, рожденные в глубине сознания и души традиционные формы и образы пространства в поэтику текста, что помогает читателю проникнуть на уровень подсознательного, в психологию персонажей, а также самих авторов. Родовое стойбище и чум – сакральные пространства, онтологически сотворяющие мир ненецких фольклорных и литературных героев. В бесконечном пространстве тундры они становятся для кочевников ориентиром и центром.

Как ограниченное пространство стойбища, так и закрытое профанное пространство чума несут двойную семиотическую нагрузку: мифопоэтическую и метафизическую.

Чувство родного очага у кочевников проявляется чаще всего в любви к месту своего становища, выбранного когда-то предками с учетом природных условий, обеспечивающих благоприятное проживание. Ненецкий фольклор содержит немало преданий о том, как предки искали места для родовых стойбищ.

Эти легенды передаются из поколения в поколение, находят отражение в художественной литературе, в биографических очерках о жизни писателей.

Выбор родового стойбища в первую очередь связывался с возможностью выживания рода, с наличием пищи как для людей, так и жизнеподдерживающих оленей. По месту стойбища ненцы часто называли и весь род. Герой автобиографической повести Василия Ледкова «Синева в аркане», объясняя происхождение своей фамилии, описывает стойбища, в которых жил его род. Сначала это было место на берегу залива около сопки. «Место это называлось Паханзедами, что в переводе на русский значит сопки у залива. По названию места соседние племена стали называть Паханзедами и людей, живущих здесь». Герой уточняет, почему его фамилия теперь уже не связана с Паханзедами, а имеет название другого места и стойбища. Благополучно живущее стойбище Паханзедов постигла великая беда – из-за отсутствия притока новой крови и браков между родственниками стали рождаться дети-инвалиды. Ограниченное пространство

проживания, отсутствие родственных связей с дальними стойбищами сыграло роковую, разрушительную роль. И тогда старейшина, чтобы спасти род от вымирания, предложил: «И как бы ни была богата наша земля, ради спасения рода нам надо бросить ее. Ищите, Паханзеды, новую кровь себе! Нельзя брать в жены девушку из своего рода. Чем дальше найдет себе жену юноша, тем выше поднимет свой род! И в семь раз лучше, если жена будет из другого племени и языка!» Род расселился по разным другим местам, несчастливое место стойбища опустело и уже никем не заселялось. Предки героя получили новое название, откочевав в долину Большеземельской тундры. Долина или низина по-ненецки – «лед», маленькая низина называлась «ледко». С приходом в тундру русских появилась фамилия Ледков». Автор повести передал герою повествователю и свое имя, и свою фамилию, рассказал об истории переселений своего рода.

Содержание помещенной в повести легенды раскрывает как особенности подбора ненцами родового места, так и целеустремленность к выживанию, мудрость Паханзедов, предков героя, их бесценный, достойный уважения вклад в дело продолжения рода. Легенда способствовала раскрытию механизма воссоздания и развития пространственных представлений в культуре этноса.

Прозаики и поэты, обращаясь к описанию мест кочевий, часто используют свои детские воспоминания, поскольку многие из названных прозаиков и поэтов – Леонид Лапцуй, Василий Ледков, Прокопий Явтысый, Алексей Пичков, Любовь Нененг – родившись в стойбищах, жили после учебы в городах. Так, П. Явтысый в стихах представляет родовое стойбище местом, где «отзвук детства бродит в ивах,/ даль окликаая без конца». Поэт подчеркивает нуминозное воздействие воспоминаний:

Так память,
сквозь года кочуя,
меня вновь
к стойбищам влечет,-
о, как вернуться
к ним хочу я!

(П. Явтысый. «Как девушки - нежны, красивы...»)

В стихотворении поэт описывает ситуацию своего мужания, как будучи подростком, он без колебаний вместо больной матери пошел пасти оленей.

Навещая родовые стойбища, поэты видят запустение, оставленные в годы перехода к оседлой жизни родные чумовища, что рождает чувства ностальгии и горести. В стихотворении Явтысыя «Пепел чумовища» лирический герой (а возможно, сам поэт, периодически посещавший родные места) возвращается в стойбище уже седым, вспоминает и детство, и юность, и родителей.

Родовое пространство как часть жизни, ушедшей в небытие, вызывает у лирического героя и улыбку, и слезы.

Наполнены тоской и грустью о прошлой кочевой жизни воспоминания Л. Лапцуя, нахлынувшие на него при посещении родового стойбища.

Ой, тундра моя, кормилица,
Все, все в тебе неизменное:
И реки в прибрежных зарослях,
И в ягеле - косогор,
И лишь чумовище старое,
Такое ж, как люди, тленное,
Невидящим взглядом пепельным
Глядит на меня в упор.

Сухую траву пожухлую
Прижали ветра ладонями
К земле, где шумело стойбище
И отчий пылал очаг.
(Л. Лапцуй. «Надышаться бы...»)

Наряду со стойбищем в литературе ненцев воспет чум как реальное и сакральное пространство. Являясь фундаментом бытия, чум по своему строению причастен космосу, космологическому творению. По своей форме – это круг, устремленный шестью к небу. Связь с внешним миром осуществляется через макодан – отверстие вверху чума, через которое выходит дым и заглядывает солнце, луна и звезды. Он гармонируется с природой.

В фольклоре и литературе ненцев кроме переносного чума присутствует еще и «куропачий чум» – снежный дом, который выкапывают себе попавшие в жестокую пургу путники.

Так, умеющий правильно выстроить «куропачий чум» ненец Тусида спасает от неминуемой гибели отряд геологов в поэме Лапцуя «Под звездами Ямала».

Чум – мифосемиотическое пространство образа тундры. В стихотворении «Спаситель» Л. Лапцуя звучит гимн восхищения и благодарности одухотворенному переносному жилищу кочевников.

Мой чум! Не счесть твоих столетий,
Ты на веку узнал немало -
Сплетением арканных петель
Твой путь петляет по Ямалу.

Мысленно отправляясь по пройденным чумом путям, поэт представляет трудности и беды своего детства:

Как мерз ты, вспоминаю ныне,
Чтоб мог от стужи я укрыться,
Спасал меня, как мать-гусыня,
Хранил меня, как мать-орлица.

И горбился в изнеможенье,
Когда хлестали в танце странном
Смычки ветров с остервененьем
По струнам-ребрам деревянным...

По мнению Л. Лапцуя, чум способен перенять характер и переживания его владельцев. Эта идея нашла отражение в его стихотворении «Покинутый чум». Путник с каюром останавливаются у старого чума. И этот «обросший мхом, ушедший в землю чум», привлекает внимание путника, он ощущает сложную судьбу бывших его обитателей. «Печать тяжелых, застарелых дум/ на нем лежала много-много лет/ и был он сгорблен, как столетний дед, /тот ветхий чум, покинутый давно,/в нем было сыро, пусто и темно». Предположения путника оправдываются. Каюр рассказывает ему трагическую историю оленевода, потерявшего семью и в одиночестве и бедности, долгие годы проживавшего в этом чуме. «Он сам на зверя стал похож обличьем:/ каким-то странным веяло величием / от глаз его, сверкающих огнем». Уехав из чума, старец словно передал жилищу свои тревоги и думы, свой облик.

Чум дорог ненцам тем, что символизирует стабильность существования, укорененность в этом безбрежном мире. Внутреннее пространство сакрализовано, закреплены места

вокруг очага – костра посреди чума, своеобразного центра. Устойчивое распределение мест в пространстве чума обеспечивало стабильность семейной жизни. Переход на оседлый образ жизни в прошлом веке постепенно менял отношение к традиционному переносному жилищу.

Композиция рассказа В. Ледкова «Чум» построена на столкновении двух типов восприятия пространства «свое» - «чужое». Главный герой Игнат Вылка, старый оленевод, по просьбе внучки-архитектора приехал жить в поселок городского типа. Окружающее пространство выводит его из равновесия. Он удручен давящими на него стенами, постоянно подходит к окну, чтобы увидеть небо, но перед ним лишь кусочек между домами. Оленевод часто уходит на берег реки, и жалуется на отсутствие шири и дали перед глазами: "Тесно в городе глазу". Простор тундры, где он чувствовал себя, как утверждает автор, хозяином жизни, своеобразной частью космоса, стал предметом его желаний, поскольку «грызла душу тоска по простору», сделала молчаливым и грустным человека, носящего фамилию Вылка – улыбчивый и стремившемуся соответствовать ей.

В городской квартире старика удручают высокие потолки и необычно высокая мебель. Комфортно себя он чувствует лишь на оленьей шкуре в кладовке, но дочь осуждает его за желание спать в подсобном помещении. Не выдержав угнетающей обстановки, Игнат Вылка исчезает на несколько дней и возвращается с маленьким чумом, который ставит недалеко от многоэтажного дома. Его поступок и доводы в пользу многовекового жилища ненцев убеждают главного архитектора города нефтяников Куприянова построить многоэтажный дом на открытом пространстве с круговыми окнами для обзора тундры с низкими потолками и низкой мебелью, чтобы облегчить адаптацию ненцев к новому пространству. Это необычное здание имело форму правильного конуса. От самого острия его макушки торчали вверх пучком, как шесты чума, телевизионные антенны, утолщенные у основания. Оно напоминало гигантский чум. Чум деда Игната, уже совсем растрепавшийся, долго стоял на прежнем месте, но его хозяин все-таки переселился в большой дом, получив собственную квартиру, которая и формой, и специальной низкой мебелью тоже напоминала чум.

Перевернув с помощью поступков и убеждений представления архитектора о восприятии ненцами

пространства, Игнат Вылка втянул его (архитектора) в свой культурный мир, добился обогащения его эстетического опыта, понимания иного мироощущения, внес вклад в изменение архитектурного облика города.

В рассказе пространство становится смыслообразующим моментом, определяющим поведение героев. Этническая специфика его восприятия легла в основу сюжета. Основная идея – психологическая адаптация ненцев в новых бытовых условиях жизни тесно связана с их вековыми пространственными представлениями, с учетом их особенностей в процессе изменения облика тундры новыми покорителями Севера. Писатель убедительно представил в повести, как герою дороги и ограниченное пространство чума, и простор тундры.

В повести коми-ненецкого писателя Ивана Истомина «Последняя кочевка» сюжет разворачивается, как и в рассказе В. Ледкова «Чум», вокруг решения проблемы освоения нового жизненного пространства – переселение привыкших к чуму пожилых людей в деревянные дома, переход на оседлый образ жизни. Старик Ямай знакомится с новым деревянным домом постепенно под воздействием убеждений окружающих – строителей, фельдшера, членов правления – начинает видеть какие-то преимущества этого жилья, хотя и не высказывает их вслух. Однако упрямо отказывается переходить из чума в дом.

«Зачем нам в дом переходить? - с обидой в голосе спросил Ямай. - Зайдешь в воду – умеи плавать. Мы в чуме жить привыкли, а в доме совсем не умеем».

Нерешительность старика Ямая поддерживает его жена Хадане. Она, узнав, зачем вызывали мужа в правление, сначала плачет и кричит на мужа, потом старается объяснить, почему им нельзя переселяться в дом. Одна из причин, по которой чум лучше дома, – это возможность в чуме через макодан общаться с духами: «Небо видишь. Ты небо видишь, тебя добрые духи видят и слышат, когда ты у них помощи просишь. В доме жить будешь, добрые духи не будут знать, как ты живешь, чем помочь тебе. Там мокодана нет, там потолок, на потолке земля. Я сама видела, как туда землю таскали. Как же тебя добрые духи слышать будут?» В число преимуществ чума Хадане относит и отсутствие в нем окон. «Ты в чуме сидишь, улицу не видишь, и тебя с улицы не видят. Злые духи, которые по земле ходят, не видят, не знают, как ты в чуме живешь. И на сердце у тебя

спокойно. А в доме кругом окна, злые духи тебя будут видеть, ты их можешь увидеть - испугаешься - с ума сойдешь».

В стихотворении Прокопия Явтысыя «Последние чумы» автор считает кочевые жилища более близкими ненцам, живыми: «Поселок спит. А рядом не уснули, как сопки островерхие, чумы». Они с недоверием смотрят на новые дома, передавая в них своих хозяев, «насупились», глядя на деревянные дома, «дымами настороженно чадят». Выразительна метафора, возникшая в художественном сознании поэта:

Вот так всегда
задумчивая старость
на юность незнакомую глядит:
то головой качает. то вздыхает,
себя в ней ищет и не узнает
и потому натужно вспоминает
далекое, минувшее свое.

Развернутая метафора – своеобразное воздействие коллективного бессознательного, которое, по Юнгу, является существованием некоего коллективного базового пласта души, из которого возникают продукты фантазии, мифологические типы. Переплетаясь с индивидуальными фантазиями личного характера, которые восходят к лично-пережитому, забытому или вытесненному, коллективное бессознательное "автохтонно" возрождает неосознаваемый ранее материал.

Пространственные отношения в произведениях ненцев служат одним из средств моделирования авторской картины мира и мировоззрения героев, при этом постоянно становятся одной из категорий этической оценки. Пространство любви и зла, гармонии и дисгармонии, стабильности и нестабильности формируется и поддерживается как авторами, так и героями. Всею душой стремится к душевной гармонии внутри себя и вокруг, например, один из главных героев повести Анны Неркаги «Анико из рода Ного», отец главной героини. Он старается проявить внимание и понимание окружающего мира, уходит от осуждения, пытается создать вокруг гармонию. Гармония – прежде всего любовь, когда уделяется внимание не внешним проявлениям, а внутреннему содержанию. Он любит дочь, поэтому не настаивает на том, чтобы она осталась в стойбище, хотя и одному ему в стойбище трудно выживать. Он любит

окружающую природу и пытается жить с ней в согласии. Это и есть настоящая мудрость – умение увидеть все в совокупности, в целостности и взаимосвязи.

Главный герой повести А. Неркаги «Илир» хозяин стойбища Майма, ориентируясь на сохранение огромного стада и в связи с этим власти над людьми, стал заложником своих устремлений, страха потерять накопленное. Во время жизни в стойбище страх, беспокойство привели Майму к душевному дискомфорту, к поискам виновных среди окружающих, к неоправданной жестокости. Он не может найти успокоения для души, поскольку все мысли его нацелены на увеличение и на спасение оленьего стада от коллективизации. Майма потерял чувство меры, его зараженная желанием власти душа начинает слепо подчиняться воле. Отсутствие ощущения предела породило чувство гордыни, пренебрежение к знаниям окружающего пространства, полученным от предков. Он угнал, чтобы спрятать от представителей новой власти, большую часть стада в «гиблые» для человека и животных места и погиб. Майма не был способен вписаться в общий временной поток эволюции, изменить сознание, создать гармонию внутри себя. И как результат – разрушение пространства жизнедеятельности окружающих и своей. Сильная энергия его зла ощущается окружающими почти физически. Состояние своей души он демонстрирует поведением. Всем становится в тягость жизнь в пространстве зла, противоречащего естественной сути человека. Дисгармония души хозяина породила разрушающую силу – стойбище погибло.

Зло разрушительно. Пространство зла порождает негатив. Антон Пырерка в повести «Младший сын Вэдо» рассказывает о страданиях мальчика-сироты от его имени. Старуха-хозяйка не разрешает мальчику даже погреться в чуме, заставляя заготавливать хворост на морозе. От усталости и отчаяния тот находит место, защищенное от ветра кустарником, ложится ничком в вырытую оленями яму и засыпает. За это хозяйка бьет ребенка колотушкой. «Старуха ушла в чум, а я остался на снегу. Лежал и думал: «Смерть легче такой жизни, Лучше замерзну, а не встану с этого места». Один из батраков спасает мальчика и берет в чум. Но в душе у мальчика, по его признанию, впервые появилась злоба, и он стал с тех пор помнить зло. Когда же ребенок встретил доброжелательное отношение, то все вокруг стало ярким и красивым: погода –

солнечной, лес на берегу Печоры – синим. Когда же он оказался вместе с сестренкой в незнакомом селении (родственники отказались взять сирот с собой на новое место кочевья), и детям пришлось жить подаянием, природа, пейзаж полностью ушли из сознания мальчика.

Изменение условий жизни героев порой формирует иное, далеко не позитивное отношение к стойбищу. Анико – главная героиня повести А. Неркаги «Анико из рода Ного» – родилась в оленеводческом стойбище, но долгие годы жила и училась в городе. Приехав после длительного отсутствия, к отцу, она не может принять для себя неустроенный, с ее точки зрения, быт, не мыслит остаться здесь жить, как этого хочет отец. Ее не привлекает свободное, но не обустроенное для комфортной жизни пространство. Сопоставляя сюжетно детерминированные пространства, восприятие их героями, автор раскрывает, как устойчивые геокультурные образы влияют на душевные переживания, на нравственный выбор героев.

Проведенный текстологический анализ профанного и сакрального пространства стойбища и чума позволил сделать вывод, что литература позволяет реконструировать этнографические субстраты, с одной стороны, а с другой – способствует постижению онтологических и феноменологических основ, связей, реминисценций культуры, раскрывает специфику материальной и духовной жизни ненцев, ценности, определяющие поведение и характер народа, его миропонимание.

Список литературы и источников

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // М. Бахтин. Эпос и роман. СПб.: Издательство "Азбука", 2000.
2. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М., 1993.
3. Леви-Брюль Л. Сверхестественное в первобытном мышлении. М., 1999.
4. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб.: Искусство, 1997.

5. Пошатаева А.В. Литература и фольклор. Взаимодействие современных литератур народов Севера, Сибири и Дальнего Востока с устным народным творчеством. М.,1981.
6. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838-1844,1845-1849). М.,1860.
7. Старцев Г.А. Самоеды (неница): Историко-этнографическое исследование. М.-Л.,1930.
8. Топоров В. Пространство и текст // Из работ московского семиотического круга. М.,1997.
9. Хомич Л.В. Ненцы. СПб.,1995..
10. Юнг К.Г. Бог и бессознательное. М., 1998.